

Дики адьгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 3 (86)

Лаурсэн

Синопис сценария исторического фильма

XVII век. Османская империя. Время бунтующих пашей и джелялийских восстаний. Две армии сошлись в центре Анатолии, у стен Ангоры.

Воображение читателя (потенциально, зрителя) захватывает то обстоятельство, что обеими армиями командуют выходцы из Черкесии.

Правительственной армией – Кутфадж Дели-паша, представитель рода Болотоковых, владетельных князей Темиргоя. Он является одним из наиболее влиятельных военачальников Османской империи. В юношеском возрасте Инал, после поражения Темиргоя в войне с Крымом, был отдан в почетные аманаты крымскому хану, в обеспечение вассальной верности его родителя – Мисоста Болотоко. Затем, получив военное воспитание в Крыму, он был вызван к султанскому двору в Стамбул. [Его сюжетную линию можно прописать в самостоятельной главе или двух главах]. Его поведение при султанском дворе и на воинской, и государственной службе в Турции будет демонстрировать нам типаж истинного служаки, человека долга, исключительно верного вассала, готового на все ради чести своего сюзерена. Он всегда на стороне Высокой Порты, несмотря на то, что временами методы великого визири в борьбе с мятежниками вызывают у него, благородного черкесского князя, чувство омерзения. Теперь же, красивым октябрьским днем 1648 года, он стоит перед тяжелым моральным выбором: до конца исполнить свой долг османского вассала и генерала, или позволить (после видимости ожесточенного сражения) своему другу, вождю джелялийских смутьянов, ретироваться с поля боя в целостности и сохранности. Нет и слова о том, что Кутфадж-паша перейдет на сторону восставших и, тем паче, может проиграть сражение.

Армией мятежников командует наш главный герой – Лаурсэн. [Имя взято из адьгской антропонимической традиции и в виде Лаварсан или Леварсан фигурирует в документах Посольского приказа в XVII веке. Имя представляется запоминающимся, просто усваиваемым и передающимся на других языках – русском, турецком, английском и пр.]. Он – прямо противоположный Иналу (Кутфадж-паше) типаж черкеса, в весьма значительной степени анархиста, сторонника безначалия и совершен-

но не склонного признавать чей бы то ни было авторитет, даже если речь идет о почти вселенском владыке. Он является уроженцем причерноморской Шапсугии, его предки веками пиратствовали на Черном море, а их родственники, жившие на северных склонах, с тем же постоянством устраивали конные рейды. В Турции его имя вызывает восторг миллионов обездоленных – турецких крестьян и ремесленников, шиитского населения восточных районов Анатолии, масс угнетенных народов империи – балканских славян, армян, курдов, арабов. Даже у привилегированных албанских феодалов Черкес Мухаммед-паша (Лаурсэн) необычайно популярен. Они усматривают в нем достойного преемника славы мятежного албанского героя Искандер-бека. А такой похвалы и сравнения со стороны самых храбрых воинов Балкан и всей Южной Европы, отряды которых нанимают цезари, герцоги, бароны Австрии, Венгрии, Италии и даже Франции, заслужить было почти или, лучше сказать, совершенно невозможно. Но это невозможное сотворил Лаурсэн. Его яркой и

трагической судьбе посвящается наша историческая повесть, призванная лечь в основу сценария исторического фильма.

Итак, действие фильма начинается с решающей схватки двух побратимов, поставленных судьбой перед драматическим выбором: ни один из них не вправе избежать столкновения, которое, скорее всего, приведет к гибели одного из них.

Облаченные в боевые доспехи, они встречаются, в сопровождении своих офицеров и сподвижников, на середине поля и из их разговора становится ясно, что нет более преданных друг другу людей.

Битва и поражение мятежников. Раненый Черкес-паша (Лаурсэн) спасен от мгновенной расправы янычар своим старым другом. Но жить ему остается очень недолго. Он заключен под стражу. За ним ухаживает необыкновенно красивая женщина – жена друга, вышедшего из схватки победителем. В свое время, из-за нее пути двух лучших друзей разошлись. Она всегда предпочитала Лаурсэна, но была вынуждена стать супругой его

соперника. Он лежит без сознания и перед ним проносится его, полная опасных событий, жизнь.

Поле с необыкновенно красивыми цветами в горах благословенной родины – Черкесии. Девочка-подросток убежит от мальчика-сверстника. Они беззаботно смеются и играют. Дети одеты почти как взрослые, их одежды яркие, на ногах красивая сафьяновая обувь. На девочке шапочка, сшитая из клиньев, украшенная галуном, волосы убраны в две косы. На мальчике кафтан в форме черкески, без галунов и газырей и простая суконная шапка с каракулевой оторочкой. Их игра неожиданно прервана появлением мрачнейшего вида всадника с крайне неприятным лицом. Он, как будто укрываясь от посторонних глаз, едет вниз, в долину, и, увидев детей, замешкался и на какое-то время остановился. По его лицу пробежала тень. Он не хочет, чтобы его кто-то увидел в этом месте. Его ухмылка и вид выдают в нем совершенно преступную натуру – разбойника и работарговецца. В этот момент он увлечен более важным делом, а в другое время

не преминул бы захватить подростков. После минутного замешательства, он, ничего не сказав опешившим детям, молча тронулся дальше. Юный Лаурсэн, так звали мальчика, запомнил это лицо навсегда. Он интуитивно осознал страшную опасность, исходившую от всадника, и что ему с сестрой в тот момент их жизни повезло избежать гибели или плена.

Как выяснится, детям действительно угрожала опасность. Это был известный в горах разбойник, шапсугский дворянин (тлекотлеш) Аббат, работарговец, по приговору народного схода изгнанный из Шапсугии. Он пылал мстительным огнем и, во что бы то ни стало, хотел истребить семейство своего главного врага, Шамуза Бастока, владетельного князя Вулана (Челпина). Он навел на мирное селение отряд отъявленных головорезов, во главе с татарским мирзой Карабеем, представителем знатного рода Ширина. Большая часть отряда состоит из черкесов и ногайцев. Их дело – искать всюду поживу. Они захватывают людей и совершают дальние рейды. Говорят даже, что однажды они дошли до Пермского края. Эти буйные головы, уроженцы обеих берегов Кубани, составили черкесскому краю дурную славу у многих народов и племен. И этих профессиональных пленопродавцев и хищников без страха и упрека привлек обещанием легкой и богатой добычи подлый изменник.

Благородный Шамуз не ждал нападения. Он жил в мире с сильными соседями – хатукаевскими, бжедугскими и темиргоевскими князьями. Даже бесшабашные убьихи не тревожили его владений уже много лет. Он не мог себе представить той степени ненависти, которую испытывал к нему человек, многие годы пользовавшийся его благоволением и дружбой. Князь возвратился с многодневной охоты и был намерен провести несколько дней дома, в кругу родных и преданных ему орков. Он так и не узнал, что коварный Аббат мог нанести ему удар, похитив или убив Лаурсэна. Разбойник не признал во встретившемся ему подростке княжеского сына. А мальчик не сказал отцу о загадочном всаднике с недобрим взглядом.

Это была самая страшная ночь в вековой истории Вулана. Он не обладал каменными укреплениями и всецело полагался на добрую совесть соседей, а также на остроту сво-

ЛАУРСЭН

их мечей. Но столь безжалостный и опасный враг впервые угрожал жителям главного селения Бастоко. Перед самым рассветом более 200 разбойников ворвались в сонное селение: все, кто пытался сопротивляться, падал на месте от стрелы или сабельного удара. Всю встречавшуюся молодежь обоего пола тут же вязали и увлекали в неволю. Шамуз с горсткой орков сумел героически отстоять свое подворье, где уложил с десятков убийц. Это препятствие в лице князя и его воинов остановило полное разграбление и уничтожение селения. Враги слышали и ретировались на северный склон, уведя с собой полон. Шамуз получает в этой сече смертельное ранение и умирает. Перед смертью он узнает о пропаже Лаурсэна и о том, что врагов привел его бывший вассал Аббат.

На какое-то время для зрителя остается загадкой, что же приключилось с княжеским сыном. Его нет среди увлеченных в неволю. Оказывается, что парня спас другой разбойник – своего рода искатель приключений и одинокий волк по имени Шолох. Он опытный убухский воин, пребывающий в персональной воинской и охотничьей экскурсии. Он так же не чурается ремесла работоторговца. Но в эту страшную ночь ему суждено было выполнить благородную миссию. Он в одиночку расправляется с двумя разбойниками, которые погнались было за Лаурсэном. Ловко орудует палашом против двоих, вооруженных саблями. Считаю, что селение полностью разграблено, уводит паренка с собой в долину Псахи, в самый центр Убухьи.

В селении Шолоха, Лаурсэна, княжеского сына, удивляет равенство и демократизм отношений. Здесь не знают княжеской власти. Заносчивого княжича по-своему «учат» его сверстники. И туго бы пришлось Лаурсэну, если бы не помощь девочки по имени Дана, которую Лаурсэн поначалу принял за паренка. Дана – сирота, воспитанница пирата, как многие черкешенки того времени получала азы воинского воспитания; прекрасно ездила верхом, владела клинковым оружием, стреляла из лука. Но полностью Лаурсэна признают своим в селении Шолоха только после его честного поединка с сыном пирата Берзеком. Поверженному Берзеку Лаурсэн подает руку. Паренки становятся друзьями. Теперь они неразлучны и оба тайно влюблены в Дану.

Между тем, разбойникам, и в их числе Аббату, становится известно о том, что у погибшего князя остался такой сын, который должен уже достаточно скоро превратиться в грозного воина. Ясно, что он обязательно отомстит убийцам отца. Лаурсэна начинают разыскивать.

Прошел год. Аббат, ставший вожаком разбойников, узнает,

где скрывается Лаурсэн. Шолох, чтобы спасти юношу, договаривается с анатолийским купцом, перешедшим в ислам греком, переправить Лаурсэна в Каир. Лаурсэн покидает Кавказ. Стоя на палубе купеческого судна, Лаурсэн всматривается в удаляющийся родной берег. Вдруг он видит всадника, галопом спускающегося с холма. Это Дана. Она направляет лошадь в воду, плывет вслед за судном. Лаурсэн пытается прыгнуть за борт, но матросы сбивают его с ног, связывают и бросают в трюм. По прибытии в Каир греческий ренегат продает Лаурсэна в рабство мамлюкам.

Лаурсэн в военной школе мамлюков, где царят жестокость и деспотизм эмира. Встреча с Пшиканом, сыном одного из наиболее знатных дворян Кабарды из рода Куденетовых. Лаурсэн удивлен тому обстоятельству, что среди мамлюков так много уроженцев Кавказа, черкесов, грузин, абхазов и т. д. Еще более его удивляет тот факт, что в неволе оказались дети князей и дворян. Пшикан известен своей безудержной отвагой, его мусульманское имя Мурад.

Лаурсэн вплоть до достижения двадцати лет обучается искусству владеть оружием и верховой езде. Он достиг в этом совершенства, как и в игре в джерид, метании дротиков верхом. Эти упражнения проходили часто в присутствии зрителей, среди которых попадались знатные дамы. Лаурсэн становится своего рода чемпионом среди молодого поколения мамлюков.

Но гордому Лаурсэну претит его положение раба. Стихийно вспыхнувшие беспорядки в школе, после смерти от побоев одного из учеников, переросли в мятеж, возглавил который Лаурсэн. Он убивает жестокого эмира. Восстание, хотя и хорошо подготовленных, но малочисленных курсантов, подавлено.

Лаурсэн и Пшикан сумели избежать ареста и скрылись из Каира. В арабской одежде, с посохами в руках, они странствуют по Сирии. Драка с янычарами на постоялом дворе в Дамаске. Встреча с христианскими паломниками. Лаурсэн спасает от верной гибели паломника – австрийского аристократа. Друзья находят себе нового сюзерена – старого мамлюкского эмира Ридванбея, грузина по происхождению, наместника Иерусалима. Лаурсэн служит ему в качестве мажордома. В это время Лаурсэн встречает известного мусульманского шейха, ученого-астролога, который предсказывает ему блестящее будущее.

Мамлюки мятежной школы амнистированы кайрским пашой, которому нужны храбрые для сопровождения караванов и подавления бедунских мятежей. Головокружительная карьера в Каире, городе «Тысячи и одной ночи». Блестательная победа на копейном ристалище мамлюков.

Лаурсэн становится одним из самых знаменитых мамлюков Египта. Он должен быть произведен в звание бея. Его популярность среди мамлюкского воинства набирает ему врагов среди бейской верхушки. Враги неоднократно интригуют против него и даже устраивают покушение, но наш герой с честью выходит из всех грозящих ему опасностей.

Неожиданно случается событие, которому суждено было в корне изменить биографию нашего героя. В Каир прибывает гонец великого везира из Стамбула. Причиной его спешного прибытия стало очень необычное требование султана Ибрагима. Этот повелитель половины мира был заядлым поклонником конных ристалищ с джеридом. Он считал джерид наиболее сложным видом боевых искусств. Зная, что этот вид усиленно практикуется в Каире, он решил устроить пышное состязание на стамбульской площади Ипподром, где планировал показать разгромить самоуверенных мамлюков. Кайрские беи, необыкновенно гордившиеся собственным искусством верховой езды и копейного боя, отобрали лучших из лучших. В их числе был, конечно же, Лаурсэн.

Но интрига состояла еще и в том, что великий везир таким хитроумным способом решил заполучить знатных заложников из числа кайрских вассалов. Он знал о том, что кайрские беи готовят мятеж и намерены сместить его протеже – кайрского пашу. Беи не хотели отделить Египет от державы Османов. Ими двигали более приземленные желания. Паша был редким самодуром и расхитителем большей части египетской казны. Беи считали, что от лица султана управлять Мисром должны именно они – благородные преемники великих Мамлюков прошлого.

Ристалище в Стамбуле. После жестокого коллективного состязания 12 на 12 всадников, в котором мамлюки одержали нелегкую победу (трое из них, во главе с Лаурсэном, до конца удержались в седлах, тогда как все противники были повержены наземь и получили тяжелые ранения), султан Ибрагим по совету великого везира задержал триумфаторов при дворе, наградив их немалыми деньгами и мехами, и включил их в состав своей гвардии. Любимцы султана жаждали их крови.

Конфликт не замедлил проявиться. Лаурсэн в присутствии падишаха убивает главного придворного забияку, агу корпуса янычар, уроженца Боснии. Это произошло на Ипподроме. Янычар стал насмехаться над мамлюком. Тот отшучивался. Но после последовали уже очень опасные удары джеридами, сопровождаемые оскорблениями. Лаурсэн молча метнул свой дротик и наповал сразил боснийца. В султанской ложе поднялся переполох: сул-

тан потребовал убить мамлюка, но его придворные, виновники случившегося, стали отговаривать повелителя от немедленной расправы над выскочкой-гордецом. Они понимали, что это произведет неблагоприятное впечатление на народ и войско. Часть свиты султана просто видела, что и схватить Лаурсэна не так просто. У него к седлу прикреплен внушительный комплект джеридов. Этот храбрец не сойдет с коня, пока не убьет еще дюжину янычар. Это плохо отразится на отношениях с Египтом. Хотя, как сказать, такой оборот мог быть полезен для великого везира. Последует возмущение мамлюков, которое можно будет задавить на корню и дальше безнаказанно грабить богатейшую провинцию. Но немедленная расправа все равно не нужна.

Тем не менее, султан Ибрагим не желал слушать никого из своих министров и офицеров. Его лицо покрылось пятнами и он возопил: «Он убивает в моем присутствии моих воинов, неужели я оставлю его в живых?»

Пшикан и другие мамлюкские чемпионы, ставшие свидетелями султанской ярости, подали знаки своему товарищу, чтобы тот немедленно пришпорил коня. Лаурсэн умчался с Ипподрома и скрылся в путаных улочках города.

В укромном проулке к нему навстречу выходит девочка-подросток и знаком указывает ему следовать за ней. Открываются ворота богатого дома и его коня под уздцы берет величественной наружности кавказец. Он приветствует Лаурсэна и уверяет, что в его доме он может найти безопасное пристанище. Человеком, укравшем в своем доме опального мамлюка, оказался крупный торговец армянин Рустам, ведший свои торговые операции по всей территории османской империи и даже за ее пределами – в Польше и на Украине. Оказалось, что его слуги давно присматривали за Лаурсэном во время его выступлений на Ипподроме. Рустам хорошо знал придворные нравы и мог предсказать, что заносчивый черкесский боец из Каира очень скоро наживет себе большие неприятности. Но главное, Рустам был многим обязан отцу Лаурсэна – Шамузу. Однажды, корабль Рустама, шедший из Трабзона в Кафу, потерпел крушение на шапсугском берегу. Понятное дело, что набежавшие горцы дочиста разграбили выброшенное на берег судно. Экипаж не избежал бы плена, но тут к месту крушения прибыл благородный Шамуз Бастоко. Он приказал освободить моряков и возратить все награбленное. В его гостеприимном доме Рустам провел несколько месяцев – пока весна окончательно не вступила в свои права и не сделала каботажное плавание безопасным. Бастоко помог восстановить судно и с богатыми дарами проводил

своего армянского друга. Рустам наблюдал тогда еще маленького мальчика – Лаурсэна и почти с полной уверенностью признал в храбреце-мамлюке сына Шамуза. До него дошли рассказы о несчастье, постигшем его черкесского друга, его гибели и разорении селения. Он с радостью пришел бы на выручку Шамузу, но ничего не мог поделать. Он мечтал достойно отблагодарить Шамуза, неоднократно настойчиво приглашал его приехать в Стамбул. Но Шамуз все откладывал поездку: он не особенно стремился к контактам с турецкими властями. В молодости он неоднократно принимал участие в больших абазо-черкесских рейдах на анатолийские порты.

А, тем временем, Лаурсэна ищут повсюду и в первую очередь в кварталах, населенных бывшими воинами, моряками и ремесленниками кавказского происхождения. Объявлена плата за его голову.

Лаурсэн становится героем всего Стамбула. Обидчивого и вздорного султана и так недолюбливали. На европейском театре военных действий его армии терпят одно поражение за другим. Украинские казаки до того обнаглели, что их чайки стали входить в Босфор. А тут разжиревшие придворные коты хотят смерти для истинного исламского рыцаря. «Таких бы побольше и во главе поставили сильного войска!» – Переговариваются на площадях столицы. – «Тогда держава Османов воспрянет, а ее знамя, не исключено, что водрузят над замком Вены!»

Эти разговоры достигают ушей падишаха и он впадает в еще большее раздражение по поводу Лаурсэна. Он чувствует себя уязвленным, желает проучить этого наглеца-горца. Султан, вопреки мнению большинства своих министров, приказал арестовать всю команду мамлюков и заточить их в крайне суровые условия тюремного замка на берегу Мраморного моря. Им грозят мучения и казнь за якобы готовившееся ими нападение на Ибрагима. Их участь становится еще более незавидной, поскольку в Топкапы пришло известие о восстании мамлюкских беев в Каире. Янычарский гарнизон перешел на сторону беев, а султанский наместник заключен под стражу. Ярость обуревает султана, но его казна пуста, его главный город на грани голода и бунта, а все наличные силы стянуты на Балканы. И тут происходит то, чего никто не ждал: в простом костюме дервиша ко двору явился смиренный Лаурсэн. Он хочет только одного: спасти своих братьев, предложив свою жизнь за их освобождение.

Этот рыцарский поступок производит огромное впечатление на Ибрагима. Да, перед нами пьяница и слабый правитель, склонный все прощать своим фаворитам, но, в то же время, это весьма образован-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ный и не чуждый благородных проявлений человек. В эту самую минуту он думает о том, что вот без таких честных и преданных дружбе людей, как Мухаммед (Лаурсэн), погибнет и он сам – великий владыка и

доставшаяся ему в наследство бескрайняя империя.

Он не расправляется с Лаурсэном, но, напротив, возводит его в звание двухбунчужного паши и назначает наместником санджака Буды в Венгрии. Те-

перь перед нами Черкес Мухаммед-паша. Это самое опасное назначение для османского генерала в эту эпоху. Нужно при наличии очень скромных ресурсов наладить оборону султанских владений у са-

мого порога могущественных австрийских цезарей.

Так заканчивается первый фильм [или первая часть фильма] о Лаурсэне – легендарном герое той захватывающей воображение эпохи в истории

Кавказа, Турции и Египта, когда тысячи сынов и дочерей горного края волею Провидения стали актерами масштабной исторической драмы.

Самир ХОТКО.

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Продолжение.
Предыдущие главы в
выпусках 20 (79) – 24 (83),
1(84), 2(85).

ПОСЛЕ АДРИАНОПОЛЯ. 1829 – 1864 гг.

Мы можем с полной уверенностью говорить о существовании идейной основы хаджретского движения. Так, например, Хапши Ханкешаов бежал в Чечню в 1830 г., «не желая быть в милиции, выставленной кабардинцами против закубанцев». (Алоев Т. Х. Кабардинские абреки Чечни... С. 89).

20 ноября 1831 г. ген.-м. Фролов во главе трех отрядов общим числом 1269 пехотинцев, 1016 конных казаков, при 6 орудиях нанес удар по 3 абазинским аулам – князей Атажуко Бибердова, Кучука и Аслан-Гирея Кичевых – «в источках Малого Зеленчука и на речке Мурахе». Сообщается также, что в этих аулах находились абреки во главе с князем Джембулатом-Хаджи Хамурзиным. Итоги: 150 мужчин «поколотых штыками», «до 50-ти женщин и детей, погибших от действия артиллерии», 381 человек, в их числе жена Хамурзина, захвачены в плен, 1186 голов рогатого скота и большая часть имущества досталась в добычу войскам. (АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 729-730). На «Подробной карте Кавказского края», составленной около 1839 г., разрушенный аул Кишева отмечен на р. Маруха в 21 км вверх от ее устья (т. е., от впадения в Малый Зеленчук). (РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 101 / VII-4. Подробная карта Кавказского края. 1839 г. 22 л., многокрас., рукописная. М. 2,1 км в 1 см).

В декабре 1831 г. был уничтожен аул абазинского-тапантинского князя Алимурзы Лоова: против него была послана специальная колонна под командой подполковника Лисаневича. Аул был сожжен, жители успели бежать. (АКАК. Т. VIII. С. 730). В июне 1831 г. Алимурза Лоов фигурирует как мирный. Он отказался присоединиться к горскому ополчению, создание которого было инициировано абадзехами. Тем не менее, генерал-майор Ралль после разговора с ним на Ямановскому посту, подозревал Лоова: «из всех разговоров означенного мурзы я имею сильное подозрение в сношении его с неприязненной толпой». (Рапорт командующего войсками центра Кавказской линии генерал-майора Ралля 5-го командующему войсками на Кавказской линии в Черномории и

Астрахани господину генералу от кавалерии и кавалеру Емануэлю, № 3 от 7 июня 1831 года. Лагерь при посту Ямановском // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 74-74 об.). Аул Алимурзы Лоова отмечен на «Подробной карте Кавказского края» как Р. Лоов (т. е., разрушенный аул Лоова) на правом берегу р. Короданык (Кардоник), который является правым притоком Малого Зеленчука. (РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 101 / VII-4. Подробная карта Кавказского края. 1839 г.).

В 1832 г. абадзехи продолжили попытки организации объединенного черкесского ополчения. В октябре абадзехи прибыли на Лабу, встали лагерем на левом берегу напротив бывшего Калажского укрепления. Отсюда старшины Магомет Джаубатыров и Куй Хачацукон направились как уполномоченные от ополчения к Асламбеку Бесленову, чтобы он возглавил их силы. (Рапорт начальника 22-й пехотной дивизии генерал-майора Фролова 1-го командующему войсками на Кавказской линии и Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову 3-му, № 2894 от 16 октября 1832 г. Пятигорск // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 80. Л. 1-2).

К 27 октября ополчение перешло на Уруп и остановилось в 20 верстах ниже аула Асламбака Бесленова. Абадзехи, шапсуги и убыхи, бывшие в сборе, намеревались напасть на мирные аулы и увести их к себе. Кабардинцы и бесленевцы не соглашались и требовали атаковать станицу Баталпашинскую. В итоге, Асламбек Бесленов, Измаил Касаев и Хаджи Хахандуков отказались от участия в ополчении. Последнее, тем не менее, росло, разделилось на две части и угрожало сделать нападение в различных местах линии. (Рапорт начальника 22-й пехотной дивизии генерал-майора Фролова 1-го командующему войсками на Кавказской линии и Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, № 2922 от 31 октября 1832 г. Ставрополь // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 80. Л. 5 – 6).

В рапорте пристава Венеровского приводится состав ополчения: абадзехи, убыхи, шапсуги, бесленевцы, махо-

шевцы, баракаевцы, башильбаевцы и «жившие в абазехах кабардинцы». Ополчением в числе 2500 всадников командовал Султан Каз-Гирей. Но все это долго готовившееся предприятие вылилось в весьма заурядный набег в район станицы Убеженской, где горцы отогнали у мирных ногайцев 1200 овец, большую часть которых не смогли переправить. (Рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов поручика Венеровского начальнику 22-й пехотной дивизии господину генерал-майору и кавалеру Фролову 1-му, № 1628 от 3 ноября 1832 г. Аул Султанов // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 80. Л. 13 – 16).

В 1832 г. в среде кабардинской элиты еще сохранялось настроение в пользу переселения (в наличных условиях – настоящего бегства) в Закубаны.

По-прежнему, в 1832 г. одним из наиболее видных лидеров хаджретской общины являлся Асламбек Бесленев. Он не оставлял намерений в еще большем числе увлечь население Кабарды за Кубань, но начиная, по крайней мере, с 1831 г. эти планы стали встречать открытую военную оппозицию со стороны самих кабардинцев. Об этом свидетельствует, в частности, рапорт Горихвостова Вельяминову от 2 июня 1832 г., в котором сообщается о публичной нелюбезной дискуссии по этому вопросу между узденем Али Шипшевым и Асламбеком Бесленевым:

«Ездивший за Кубань узденя Али Шипшев для выкупа русского пленного...», что из рапорта моего от 24 сентября прошлого 1831 года за № 3013 видно, вчерашнего числа возвратился, не найдя такового, снабжен мною билетом для приискания в Чечне, который по приезде в аул рассказывал.

Уважаемый за Кубанью абазинец Солиман Трамов приехал при нем к князю Расламбеку Биясленеву с несколькими товарищами с приглашением присоединиться к закубанской партии идти в Линию для увлечения Кабарды, на что при собрании народа Расламбек Биясленев согласился с условием: если Казы Мулла тронется к Кабарде. (Казы-Мулла или Гази-Мухаммад, первый имам Дагестана и Чечни, преемник Муллы-Магомета,

основателя и распространителя на Восточном Кавказе учения мюридизма. 17 октября 1832 г. был убит во время штурма русскими войсками аула Гимры. – Прим. С. Х.). Присоединя: из кабардинцев много есть охотников к бегству, но не имеют возможности, но когда кабардинец узденя Али Шипшев возразил, что в Кабарде худых людей менее, нежели тех, которые отечества своего оставить не хотят и заверил, что все уздени по примеру прошлогоднему соберутся на Малку для защиты своих аулов и в Кабарду закубанцев не пустят, тогда князь Расламбек Биясленев с сердцем спросил о примерном числе узденей и будут ли они против своей братии драться и получа утвердительный отзыв от Али Шипшева, [заявившем, что численность ополчения] кабардинцев слишком 2 тысячи человек, [Бесленов] обратился к собранию, бранил Шипшева и многих в Кабарде живущих узденей, называя отступниками магометанской религии и объявил как кабардинцев за Кубанью немного, то надобно прежде отправить посольство для переговоров и соглашения народа, чтобы по приглашению начальника Кабарды собрания против закубанцев на Малке не делать, разговору каковому поверить потому можно, что Али Шипшев сколько прост, столько же и смел, и рассказывал сие не мне, а в своем ауле, а мне передан оной [разговор] уже посторонними.

Разговор каковой узденя Али Шипшева с Расламбеком Биясленевым при собрании народа за Кубанью подтверждает из слова в слово возвратившийся сего числа из Закубани узденя Хажали Калишпиев, ездивший с князем Алхасом Мисостовым за семейством, который заезжал к Расламбеку Биясленеву и лично от него слышал о вышесказанном разговоре и спрашивал Расламбека Биясленев и у него Калишпиева соберутся ли и нынешний год кабардинцы на Малку и будут ли драться с закубанцами и как Калишпиев подтвердил, то Расламбек Биясленев, побранив его, переменя матерью сказал, что он для того с кошом своим остановился у ногайского аула, что отправил к Вашему Превосходительству нарочного о каком-то переговоре и что может

быть и сам лично поедет в Ставрополь.

Он же Килишпиев говорит, что за Кубанью распушены слухи будто Казы Мулла разогнал Малую Кабарду, а и в Большой многие аулы истребил и кабардинцы присоединяясь к нему совершенно почти русскими разорены, слух каковой подтверждали и по переходе им на нашу сторону Кубани в нагайских аулах.

[Проезжающие по билетам начальства дагестанцы сообщили Горихвостову слухи о том, что] Казы Мулла собирает большую партию чеченцев, с намерением по согласию с закубанцами идти в Кабарду для переселения оной, но как слышным более 2-х тысяч с небольшим иметь не будет, по причине, что охотников присоединиться к нему весьма мало».

Ген.-м. Горихвостов
(Рапорт командующего Кабардинской линии ген.-м. Горихвостова командующему войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, от 2 июня 1832 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 4. Рапорта об измене русскому правительству кабардинцев. 25 января – 22 августа 1832 г. Л. 12-13 об.).

Сведения Горихвостова, основанные на мнении прямодушного узденя, надо оценивать со значительной корреляцией. Действительно, население Кабарды могло испытывать огромное разочарование в хаджретском движении. Но, в то же самое время, это население могло просто искать спасения в бегстве за Кубань.

4-м июля 1832 г. датированы два недавно опубликованных рапорта, извещающие командование о планах Мисоста Атажукина бежать со своими подвластными за Кубань. В этом намерении ему старались содействовать Исмаил Касаев и Росламбек Биарсланов, собравшие отряд из своих хаджретов и махошевцев. Упоминаются еще хаджретские князья: Арслан Гирей Биарсланов, Биберд Аджигиреев, тума Тембот Хамурзин, Атажук и Магомет Атажуковы, Тембот Кайтуков. (Документы по истории адыгов 20 – 50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР). Составитель З. М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 25 – 26).

Командующий Баталпашинским участком Кубанской линии подполковник Лисаневич от князей Алимурзы и Нагая

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Лоовых, и Эльмурзы Хамурзина получил известие о том, что партия закубанцев 25 июля 1832 г. возвратилась из Кабарды через Карачай. Целью партии, согласно сведениям Лисаневича, было способствовать переселению за Кубань Мисоста Атажукина с его аулом. Это мероприятие не удалось, но свое желание бежать из Кабарды с присягой на Коране подтвердили такие князья как Арсламбек Батокин (вскоре после того погибший), Алхас Джамботов, Атажук Наурузов, Магомет Атажукин, а также ряд важных узденей:

«Посланные мои для разужения о возвращавшейся из Кабарды партии неприязненных нам народов, Нагай Лоов и Эльмурза Хамурзин, прибыв сей час объявили мне от имени Алимурзы Лоова, что она переправилась за Кубань еще 25 числа сего месяца выше Каменного моста в 40 или более верстах на местечке Гугатли, отстоящей от Карачаевского аула в 20 верстах, где и прошлого года таковая же, нападавшая на станицу Есентуцкую имела переправу, на обратном пути; а оставшиеся от оной они своими глазами третьего дни видели тянувшиеся Закубанью горами в свои места. При чем Алимурза Лоов сообщил им, что единственною целью вторжения дерзновенной партии сей было переселить из Кабарды князя Мисоуста Хатушуккова с аулом за Кубань, но по принятым со стороны нашей мерам, встретивши совершенную в том невозможность секретным образом пригласила к себе значущихся в прилагавшем у сего списке мирных кабардинских князей и узденей, которые во время пребывания оной в вершине Чегема или Нальчика, прибыв туда присягнули пред Алкораном, что они рано или поздно, но при первом удобном случае, непременно уйдут за Кубань с семействами, с коими и князь Арсланбек Батокин который как видно из предписания ко мне начальника 22-й пехотной дивизии господина ген.-м. и кавалера Фролова от 21 сего июля за №230-м сделался жертвой своего усердия и храбрости, был в одном разумении и одинаковую с ними принимал присягу, но что убили его, то не за преданность к нам, а собственно по ошибке караульных, для лучшего же удостоверения нашего в справедливости сего известия, Алимурза Лоов в доказательство выставляет движение означенной партии к речке Череку, на коей расположен аул Алхаса Джамботова, который с семейством своим, подвластными и живущим неподалече от него узденем Эльмурзой Кугулковым, если бы не успел отряд наш прибыть туда прежде партии, непременно присоединился бы к оной; все вышеписанное как уверяют посланные мои Алимурза Лоов слышал от самих кабардинцев.

Донося о сем Вашему Превосходительству, имею честь почтительнейше присовоку-

пить, что с сим вместе донесено мною и господину начальнику 22-й пехотной дивизии».

Подполковник Лисаневич
К этому рапорту прилагается «Список кабардинским князьям и узденям принявшим в вершине Чегема или Нальчика присягу пред Алкораном, вторгнувшей в наши границы 12-го числа сего месяца партии из кабардинцев в том, что при удобном случае уйдут совсем с семействами своими, имуществом и подвластными за Кубань. Июля ... дня 1832 года.

Князья
1. Алхас Джамботов
2. Хостухшук Наурузов
3. Магомет Хутухшук
Узденья
4. Сокор Эфендий
5. Эльмурза Кугульков
6. Напца Аджи
7. Батыр-Гирей Дотуков
8. Мат Кудайнетов
9. Дохшук Кудайнетов».

Подполковник Лисаневич
(Рапорт командующему войсками на Кавказской линии и Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову 3-му, командующего Баталпашинским участком Кубанской линии подполковника Лисаневича, от 29 июля 1832 г., № 1495. – Баталпашинск // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 4. Рапорта об измене русскому правительству кабардинцев. 25 января – 22 августа 1832 г. Л. 21 – 23).

После гибели князя, подпоручика Арсламбека Батокина оказалось, что некому больше управлять узденями этой фамилии, что привело к ходатайству Кабардинского Временного суда о вызове из-за Кубани его двоюродного брата Заурбека Батокина:

«Узденья Джамбулатовой фамилии принадлежавшие убитому князю Арсламбек Батокину и с ними Кабардинский временный суд просят вызвать из Закубани беглого князя Заурбек Батокина двоюродного брата убитого подпоручика Батокина. А как после покойного остался родной брат имеющий от роду около 24 лет Магомет Батокин, по сие время по крайности как кажется нрава тихого и без дурных наклонностей то по мнению моему полезно поручить узденей Джамбулатовой фамилии в управление ему, и не вызывать для сего из Закубани привыкшего к необузданному грабежу и с моей стороны я отказав предписать Кабардинскому временному суду поручить Джамбулатову фамилию находящемуся в Кабарде князю Магомету Батокину, которого они потому более обегают [избегают], что скромного характера и незavidной наружности, по случаю отболевших в юности губ, так что зубы совсем наруже, о чем я для того беспокою Ваше Превосходительство, что может быть кабардинцы стороной просить Вас будут о вызове из Закубани вышепомянутого князя.

Причем неизлишним считаю присовокупить: Джамбулатова, Кайтукина и Бекмурзина

фамилии вообще имеют не слишком благовидные наклонности, что происходит натурально от князей – а потому желательно бы их вовсе не иметь или если и иметь, то с благоумеренными наклонностями».

Ген.-м. Горихвостов
(Рапорт командующего Кабардинской линией генерал-майора Горихвостова командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, от 20 октября 1832 г. – № 97. Нальчик // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 6. Переписка о злоупотреблениях земских исправников в Кавказской области, о антиправительственных настроениях среди кабардинцев. 29 фев. – 23 дек. 1832 г. Л. 4 – 4 об.).

Как видим, Горихвостов предлагал исключить из системы управления Кабардой две княжеских ветви – Кайтукиных и Бекмурзиных, как почти поголовно нелояльных правительству.

В 1832, 1834, 1836 гг. население Кабарды тщетно ходатайствовало перед правительством не отнимать принадлежащих им земель.

Осенью 1833 г. кабардинские хаджреты, вкупе с абадзехами и бесленеевцами, несколько раз пытались ворваться на линию.

6 октября 1833 г. сообщается о гибели в бою на Лабе с черкесской стороны «известного разбойника и отличного наездника ногайского князя Камбулата Карамурзина». (АКАК. Т. VIII. С. 737). По всей видимости, именно его имел в виду Ф. Ф. Торнау, когда писал о гибели старшего из братьев Карамурзиных – Карамурзы Карамурзина: «Осенью 34-го года старший Карамурзин был убит в деле под Шегиреем, предводительствуя черкесской конницей, имевшей дерзость броситься в шашки на русскую пехоту». (Воспоминания казачьего офицера... Ч. 2. С. 11 – 12). Примерно через год (конец 1834 г. – начало 1835 г.) Мамакай Карамурзин предательски застрелен наемником Засса во время привала спящим. (Там же. С. 12).

«Бесленеевцы, – сообщал Вельяминов военному министру, – соединяясь с кабардинскими абреками и абазехами, начали делать в наших границах частые злодеяния». (Рапорт командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-л. Вельяминова военному министру г-ну генералу от кавалерии ген.-адъют. и кавалеру графу Чернышеву, от 20 ноября 1833 г. // РГВИА. Ф. 846. Д. 6283: О поиске, произведенном полк. Зассом против бесленеевцев. Л. 1).

7 ноября этого года отряд Засса внезапно на рассвете атаковал аул старшего князя Бесленея Айтека Канокова и полностью разорил его. В составе черкесских сил, преследовавших отступающий отряд, упоминаются бесленеевцы, кабардинцы и абадзехи. Чер-

кесами командуют Айтек Каноков и Султан Каз-Гирей. (Отношение барона Розена к графу Чернышеву, от 7 декабря 1833 г., № 891 // АКАК. Т. VIII. С. 737 – 738).

В ноябре 1833 г. Султан Каз-Гирей и абадзехи уведомили Засса, что готовы сложить оружие и дать присягу. Засс продержал их без ответа две недели и те были вынуждены уехать без всякого результата.

Император остался недоволен самоуправством Засса и сделал выговор Вельяминову. Последний, тем не менее, всячески оправдывал своего подчиненного, убеждая военного министра Чернышева в том, что никакие переговоры с горцами не дадут результата. При этом он ссылался на то, что в середине декабря прибыла еще одна делегация – от бесленеевцев, абадзехов и Султана Каз-Гирея. Засс направил ее в Ставрополь к Вельяминову. (Рапорт ген.-л. Вельяминова гр. Чернышеву, от 16 января 1834 г., № 2 // АКАК. Т. VIII. С. 739 – 740).

Бесленеевцы решились покориться без всяких условий, заявили, что выдадут всех пленных и предоставят аманатов. Каз-Гирей говорил только за себя и свой аул в 16 дворов. Аманата предоставить он был не готов и отказался переселиться к мирным ногайцам, настаивая на том, чтобы ему было позволено жить на левой стороне Лабы и считаться покорным. «Как до сих пор, – отмечает Вельяминов, – подобная покорность никогда не допускалась и как я не вижу в оной никакой пользы, то и отказал султану Кыз-Гирею в его предложении».

Абадзехи заявили, что готовы покориться, но в качестве условия требовали ликвидировать укрепления в Закубанье. Они отказались предоставить аманатов, поскольку их общественное устройство таково, что им придется выделять по аманату чуть ли не от каждой семьи. Вельяминов считал, что без предоставления аманатов покорность абадзехов будет носить мнимый характер. Срыть укрепления по требованию абадзехов он считал совершенно недопустимой мерой. Вельяминов, тем не менее, отнес вопрос об аманатах на усмотрение командующего Кавказским корпусом, высказав мнение, что дальнейшие переговоры с абадзехами могут дать результат.

В декабре 1833 г. были уничтожены 2 аула абазинских-башильбаевских владельцев – Сидова и Игебокова. Население спаслось. На карте Петухова 1841 г. выше аула кабардинского князя Кайтукина в верхнем течении Урупа указаны аулы Мамат-Гирея Сидова, Урус-Гельды (разоренный), Магомета и Дударука Эгибоковых. Здесь же разоренный аул кабардинского узденя абазинского происхождения Бекмурзы Бабукова, переселившийся в группе хаджретов из Кабарды. (Карта земель между Кубанью и Лабой до глав-

ного хребта Кавказских гор, и по рекам: Псефири и Фарсу. Составлена из инструментальной съемки корпуса топографов штабс-капитана Петухова и разновременных рекогносцировок. В 1841 году. Масштаб: в 1 английском дюйме 5 верст. См.: РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5/III-10).

В конце февраля 1834 г. Засс с полторатысячным отрядом на рассвете обрушился на махошевский аул Тлабгай. Как отмечает Щербина: «Аул был взят и в нем произведена была жестокая расправа. Целых 193 человека и в том числе почти вся партия, собиравшаяся в набег, были убиты». (Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. С. 406). Перед погромом махошевского аула Тлабгай, на пути к нему, отряд Засса наткнулся на кабардинских аробчиков, которые оказали сопротивление и были уничтожены.

23 марта Засс двинулся на аулы кабардинцев. Жители успели бежать, и в одном месте были перебиты «оставшиеся для защиты аула 20 кабардинцев». «В другом месте, – пишет Щербина, – при стычке с горцами, было убито их до 50 человек». В итоге, кабардинцы были вынуждены выдать аманатов.

В конце марта 1834 г. Засс двинулся для уничтожения кизилбековского аула Джамбулата Клычева и по дороге отбил косяк лошадей, принадлежавший кабардинскому султану Шамову. Табунщики отстреливались и были убиты. После уничтожения аула, в лагерь Засса прибыла депутация махошевцев, а также «беглый кабардинский князь прапорщик Мухаммед Атажукин, Джамбулат Клычев и Арслан-Гирей Бейрсланов». Засс приказал им явиться в Невинный Мыс для представления их командующему войсками. (Рапорт полк. Засса барону Розену, от 3 апреля 1834 г., № 773. Невинный Мыс // АКАК. Т. VIII. С. 742 – 743).

Через две с небольшим недели эти же самые князья и двое Карамурзиных (несно о каких Карамурзиных идет речь – ногайских или кабардинских) во главе отряда из 150 всадников, в числе которых были и убыхи, напали на аул Арсламбека Дударукова, только что поселенный на левой стороне Кубани, напротив станицы Баталпашинской. Нападение удалось и хаджреты захватили около 40 человек и скот. На обратном пути они были настигнуты казаками из Баталпашинской, которым удалось отбить часть людей. Согласно рапорту Засса, от полного разгрома черкесов спасла только усталость казачьих лошадей. (Рапорт полк. Засса ген.-л. Вельяминову, от 21 мая 1834 г., № 1224. Невинный Мыс // АКАК. Т. VIII. С. 743 – 744).

Самир ХОТКО.

Продолжение в следующем выпуске.